

...ПОМОЧЬ ЖИТЬ

НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР, ЛАУРЕАТ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ СССР,
ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ СССР И РСФСР

МИХАИЛ УЛЬЯНОВ В ГОСТЯХ У САХАЛИНЦЕВ

Представьте себе, что вы никогда не слышали знаменитых устных рассказов Ираклия Андроникова, и вот вам в руки попала книга, в которой они собраны в напечатанном виде. Читайте вы, конечно, с интересом, но что-то в вашем восприятии невольно терзается: интонация, неповторимая манера рассказчика, то есть какие-то дополнительные краски, присущие устной речи, непосредственному общению.

Примерно то же самое происходит и сейчас, когда я беру воспроизвести рассказ Михаила Ульянова и тем самым даю возможность нашим многочисленным читателям побывать на его творческой встрече хотя бы с помощью газетной полосы. Рассказчик он прекрасный, стилистичный импровизатор, слушать его — удовольствие, и, конечно, многое при «перевод» его выступления на бумагу теряется. Но, сохраняя стиль, особенности построения фраз, манеру разговора, мы попытаемся помочь вам представить себе этого крупнейшего артиста, удивительного человека, страстного гражданина — на эстраде, ведущим с нами диалог...

Итак, на сцену вышел человек, так хорошо знакомый нам по спектаклям, теле- и киноэкранам, и все же совсем новый, и от этого еще более интересный. Подошел к микрофону и в ответ на встретившие его аплодисменты сказал:

— Спасибо. Спасибо за добрые слова, за добрый прием. Хотя такое тепло, которое идет из зрительского зала, немного пугает: ответить ли чем-либо на это тепло, хватить ли у тебя слов, сможешь ли... Несмотря на весь опыт, который имеется у нас, актеров, каждый подобный выход — особенно когда выходишь не в роли — всегда опасен и тревожен. Зритель ждет: посмотрим, что ты можешь, а потом будем понимать и принимать — или не будем... Подобные встречи — они вообще удивительны, вообще замечательны...

Я — актер театра Вахтангова, названного по имени замечательного режиссера Евгения Вагратионовича Вахтангова. Этот театр сейчас находится в Хабаровске, потому что я и завернул на Сахалин. Слышал я много о вас, читал много, знаю много, но как говорится на Руси: лучше один раз увидеть, чем сто раз прочесть или услышать. Вот так судьба актера перенесла меня сюда, чему я бесконечно рад... Так вот, я актер театра Вахтангова. Работаю в этом театре уже не много ни мало — 34 года.

Пожалуй, когда наступит черед зрителям задавать вопросы, кто-то пришлет записку: «Расскажите о том, как вы стали артистом, о ваших первых учителях».

— Артистом я стал случайно, — смеется Ульянов. — Я сам из Омской области, из маленького городка на Иртыше. Тогда во время войны судьба забросила один из театров... В сороч палом стал учиться в театральной студии при Омском областном драмтеатре, а в сороч шестом поехал в Москву и был принят в театр Вахтангова. Хотя это сейчас так легко говорить, а тогда все было сложно. А учителями были — Евгений Павлович Пересев — провинциальный режиссер, который первым «толкнул» меня на эту дорогу, потом — Рубен Николаевич Симонов и Борис Евгеньевич Захава, и все педагоги и актеры театра Вахтангова...

И вот уже 34 года...

— Почти столько же лет снимаюсь в кино. Ничего удивительного в этом нет, ибо судьба сегодняшних актеров такова: они работают в театре, в кино, на телевидении, радио, занимаются общественной работой. Праздн, по этому поводу некоторые начинают сомневаться, негодовать или возмущаться, или задавать вопросы: а почему у них такая сумятица, чего уж так разрываешься-то люди, отчего бы не пожить поспокойнее, потише, посредоточеннее? Не слишком ли сумятица, не слишком ли «шустро» живут сегодняшние актеры?

Конечно, «шустро», конечно, трудно. Слов нэт, отказаться от многого можно. Можно отказаться от роли (в своем театре, правда, нельзя — дисциплина). А в кино, на радио, на телевидении можно работать — можно не работать. Но...

Жизнь идет очень быстро.

заинтересованные или уже несколько потухшие («Что же, он так и будет нам лекцию читать?»). Между мной, стоящим здесь, в Южно-Сахалинске, и вами сегодня, сейчас завязываются (либо не завязываются) какие-то отношения. Вот это чудо непосредственного общения и есть чудо театра. Спектакли идут 100, 200, 300 раз иногда, но каждый раз это — новый спектакль. А в кино, пусть многое изменилось, многое ушло, стало другим, актер стал другим, зритель другой — картина как была, так и осталась. Театр жив именно сегодняшним временем! Вот за все это мы и любим театр.

...Ито как, а я, сидя в зале и слушая это удивительное Слово Актера о Театре, невольно вспоминала Белинского и его незабываемое объяснение в любви тому же искусству: «Любите ли вы театр так, как я люблю его...». Безусловно, нам, зрителям, ничто не заменит эту радость непосредственного общения с актером... эту живую силу толпы, идущих из зала на сцену и со сцены в зал и высекающих искру сопереживания. Но спасибо кино за то, что останавливает прекрасные мгновения искусства, безвозвратно, увы, уходящие в прошлое вместе со спектаклем. За то, что сохраняет для нас и будущих поколений замечательные актерские творения. Так что пусть актеры работают в театре, но и в кино снимаются...

— Театр обладает еще одним поразительным свойством. Вот иногда многие говорят: «Да что мне ваш спектакль, я лучше дома телевизор посмотрю». Но как же смотрите дома телевизор? Между множеством дел... Там, понимаете, артист разрывается на экране, а вы что-то делаете и между прочим смотрите. Это же нечто иное, чем вы приходите в театр, садитесь на свое место в красивом зале, открываете шаржающий, тайный занавес, и вы да и три часа нигде не торопитесь, делами не занимаетесь, отношения ни с кем не выясняете... О, эти три часа! И если хотите, это, может быть, единственное место, где вот эти три часа можно провести в радостном — конечно, при условии таланта актера и интереса зрителя — общении. Телевидение, конечно, вещь поразительная, но то, что все это перенесено в дом, убивает сказку, убивает открытие, а театр оставляет чудо, сказку, открытие. Поэтому-то мы и любим театр.

Но мы, актеры, все-таки художники вторичные. Нам нужна литература. Нам нужен фундамент, на основании которого мы строим свои роли. Мы всегда же ставим классику. О сегодняшнем дне тоже нужно рассказывать, и не «тоже», а обязательно. Мы для этого и существуем, чтобы размышлять, говорить о сегодняшнем времени. Что же тут главное? Что существование?

Артист предлагает посмотреть отрывок из спектакля «День-деньской», в котором участвует также артистка театра Вахтангова, заслуженная артистка РСФСР Алла Пар-

фания, и на основе этого отрывка поговорить о проблеме положительного героя — «так, как это представляю лично я». И мы становимся свидетелями диалога двух людей — директора завода Друянова и решительной женщины — зампреда райисполкома. Они говорят о проблемах сугубо производственных, спорят, причем спорит она, а он как-то нудно стоит на своем, этот странный, ужасно необаятельный директор. Но в результате его логика оказывается железной, а доводы неопровержимыми, так что с нее слетает вся решительность, и она уходит побежденная умом, опытом, хваткой этого странного директора. Отрывок — из обычной «производственной» пьесы, в которой, как и во многих пьесах такого рода, нет, к сожалению, необычных, ярких характеров, причудливо разнотных человеческих взаимоотношений, только и дающих актеру материал роли...

— ...А мой герой тоже в высшей степени стандартный и обычный, с командирскими нотками в голосе. Я стал думать, как его сделать маломальски интересным? И чтобы

я председатель колхоза — молодой парень, весь как на шарнирчиках, кипит, бурлит и через край переливается! Посадили в санки, повезли меня в колхоз, километроз двадцать от города. Приезжаем в клуб. Маленький такой, с прмерзлыми углами клуб, в нем сидят колхозники, смотрят на меня. Что-то я начал им рассказывать, но чувствую, что общения не получается, да и не совсем понимаю, зачем же меня сюда пригласили? Тут на сцену взлетает председатель: «Одну минуточку, товарищи, я предлагаю провести внеочередное собрание». Повестка дня — избрание товарища Ульянова почетным колхозником нашего колхоза. Кто за это предложение, грошу поднимать руки». Руки все подняли, собрание на этом закончилось, и стал я колхозником. Правда, почетным. Вот, оказывается, для чего он меня через Министерство культуры выгребовал.

Читателям газеты
«Советский Сахалин»
с добрыми пожеланиями
и уважением
Михаил Ульянов
1 июня 1984г

«набраться» характерности, привычек и «сдать» его в какую-то форму, стал вспоминать мои личные встречи с множеством интересных людей. Я много езжу по стране, встречаюсь с очень разнообразными, крупными людьми, в том числе и с такими, которые неожиданным поворотом, неожиданной манерой выражают обычное...

...И тут мы, зрители, получаем редчайшую возможность заглянуть в святая святых — творческую лабораторию артиста, понять, как лепит, собирает он образ, какие жизненные соки питают его творчество. И почувствовать, что эти соки идут из самой глубины народного характера.

— ...Как-то звонят мне из Министерства культуры и говорят: вас просят поехать в один колхоз. Я было отказывался, но мне повторяют: «Вас очень просят...». Приехал в Чебоксары, встречаю ме-

не я, как потом выяснилось, был у него не один почетный колхозник. Он месяца за три-четыре до того, как состояться мое избрание, стал председателем колхоза «Герой» (так он назывался). Что там происходило до него, не знаю, но хот- зайство разваленное, долги, как в шелках. Никто не помогает и нигде обращаться, так как везде уже нахватались долги. Тогда он и придумал такой оспа-бендеровский ход. Став в месяц избирать двух-трех почетных колхозников: директора крупного завода, гидропротектора... Рассудил: так просто приди к гидропротектору: «Дай цементу» — не дадут. А если избрать кого-то почетным колхозником, то он должен будет спасать свой колхоз. Талантливый ход! Любопытный, неожиданный, парень живет, думает, действует!

...Короче говоря, мой характер директора Друянова родился от таких людей. Представил я, как приходите вы на спектакль, какая пьеса — еще не знаете, покупаете программу, смотрите: директор завода, главный инженер, главный технолог, главный конструктор... Ясно, что речь идет о заводе. Настроение начинает у зрителей гадать. А тут написано: директор завода — Друянов Игорь Петрович. Играет Ульянов. «Этот тот Ульянов, что Жукова играл? Ой, боже, сейчас придет и опять начнет командовать!». А выходит такой, в томном костюме, седой, сутулый человек со странным, скрипучим, пронзительным голосом и начинает ко всем «приветствовать». Сидит развалившись, безбрестан-но пьет чай... Зрительный зал, несколько ошарашенный, просыпается. «Позволь-позволь! Это он кого играет? Директора? Это к чему же?». Одни начинают протестовать, другим это кажется любопытным, третьи не понимают, четвертые возмущены — но никто не спит, потому что этот тип никому не дает спать. Потом вы поймете, что он умеет: талантлив, по-наскоящему а-ющий человек и партийный по-настоящему, потому что он на себя берет ответственность, о не из тех, кто говорит: «Мы вот тут посоветуемся...» — и поди найди, кто из них за что отвечает. Все это вы потом поймете, но пока поймете — научаетесь. Вы вычисляете, вы его решаете. И в этом ваше участие. Мы вместе с вами создаем образ. И когда вы его, наконец, создадите, раскроете, огадаете его, он вам становится уже дорогим и близким. Не я вам про него рассказывал, а вы его для себя открыли.

А дело все в том, что я нарушил правила игры, по которым мы с вами давным-давно, и не только мы, а и наши отцы, привыкли жить: положительный герой — отрицательный герой. Их — наш. Белый — красный. Я огрубляю, но, к сожалению, в ином произведении входит герой, и сразу видно — нехороший человек. Но ведь в жизни-то вы сразу не угадываете! Иногда, что называется, пуд соли надо съесть, прежде чем узнать, какой человек, а иногда он так открывается, что только руками разведешь!

Я понимаю, что жизнь — не театр. Что и театр, и кино отражают жизнь, но — жизнь, а не придуманную какую-то конструкцию. А мы ее иногда придумываем.

Вот, бывает, спрашивают: кто из сегодняшних писателей — ваш любимый? Я говорю: Астафьев. Почему? Потому что Астафьев Виктор Петрович, и Распутин, и Белов, и Шукшин — они, эти писатели, не только потому мне дороги, что дерзновенно тему поднимают, а потому, что они не приукрашивают жизнь, не стара-

ются сделать ее более удобоваримой, более прилаженной. Они ее видят такой, какая она есть, но в этой жизни находят людей, которые меня приподнимают в моих глазах и объясняют мне, что жизнь сложна, но что люди в ней бывают прекрасны. Василий Макарович Шукшин ничего не придумал «от лукавого», он видел жизнь такой, какая она есть. Но вот умудрился в простом, обыкновенном человеке, который живет рядом со мной, талантом писателя раскрыть такую душу, такой талант, такую неожиданность, такой трепет, такую поэзию...

Да, мы еще находимся под впечатлением рассказа Шукшина «Миль пардон, мадам!», только что мастерски прочитанного Ульяновым, и видим его героя — простого мужика, в душе которого смешное и высокое тесно и причудливо перепелись.

Разговор о положительном герое продолжает зритель: — Положительный герой нашего времени — это уже не председатель Трубников. А кто же? Какой он, каковы его «лицо», душа, поступки?

Артист начинает с шуток:

— Кабы знала я, кабы ведала, как говорится, так я бы сыграла. Так вот в том-то все и дело, что сегодня положительный герой нам никак не дается. Хотя герои есть. Я вот сегодня был в гостях у директора сахалинского совхоза, у капитана рыболовного сейнера, у директора завода. Хорошие, интересные люди, но как их сыграть, я не знаю. Искать-то героев нечего, они вокруг нас. Но как их «переварить» в конфликт? Ведь нельзя же выйти и сказать: «Я хороший!» Это же скучно будет! Я считаю, что положительный герой, каковы бы ни были его поступки, черты характера, должен быть одним из нас. Как только он начинает подниматься в какие-то особые сферы, так мне до него — как до ангела в рай. Он должен быть рядом со мной.

И потом так: вот я сижу в театре. Мне показывают эдакого, знаете, героя. Я думаю: «Ну и что? А я вот не герой, мне страшно, я трушу, не могу поступить так же...». Значит, это не про меня! И, не затронутый за живое, холодный ухожу из театра.

А вот мне показывают такого же как я. И я вижу, как ему трудно. Как ему страшно, как он преодолевает все-таки свою защитную мягкость, переступает через себя там, где я испугался. Но тогда он мой друг, и черты его — мои, человеческие... В общем, проблема положительного героя сложная, хотя кажется очень простой.

Артист Михаил Ульянов многолик и играет он далеко не одни «положительные» роли. Все чаще на киноэкране или сцене мы видим, как своим исполнением роли отрицательного героя он неистово борется с тем, что нечестив. Так, как это происходит, скажем, в картине «Без свидетелей».

— Показалось, что в кинофильме «Без свидетелей», не так давно выпущенном на ки-

ноэкраны, вы решаете новые художественные задачи — соединение реализма с гротеском. Чем стала для вас эта роль?

— Вы правы. Скажу так: эта роль дала мне возможность вырваться из привычного. Дело все в том, что сейчас играть правдиво, спокойно, жизненноподобно, приблизительно могут, в общем, все. А вот вести изображаемое на крайнюю степень допустимости, гротеска, когда это уже тип или, как в фильме «Без свидетелей», почти символ ничтожности, но в то же время и живой человек, — это уже может сделать только мастер... Если я вижу актерскую работу и говорю себе: «А я бы так не только не смог, но даже не понимаю, как это», — вот тут я преклоняюсь перед таким актером.

— В одной из своих статей вы говорите о необходимости возрождать традиции русской актерской школы...

— В чем русская школа? Не только в правде, а в огромной эмоциональности, заразительности и полной самоотдаче. Если немецкие первоклассные актеры работают на технике, а французские — на виртуозной технике, то актер русский работает чаще всего на сердце...

— Вам принадлежат слова и о том, что за каждым образом должна стоять личность исполнителя. Не противоречит ли это стремлению к полному перевоплощению в образ?

— Нет, одно другому не противоречит. Что такое личность? Я человек, какой уж я сегодня есть. С моим багажом, с моими знаниями, с моим опытом, с моим мастерством. И с точки зрения своего «я», своего знания жизни, отношения к жизни, любви или ненависти к ней, наполненности ее соками я могу и воспеть человека, и проклясть. Я, мой мозг, знания, нервы, опыт, мое сердце — вот материал, из которого делается роль. Ничего другого нет. Гражданская позиция плюс человеческие качества — это и есть личность. Есть люди, которым вообще на все наплевать. Они шьют себе костюмы, завязывают связи, бегают по поверхности, как жуки-плавуны, и не тонут. А личность актерская предполагает внедрение своего творчества в жизнь, стремление помочь жить...

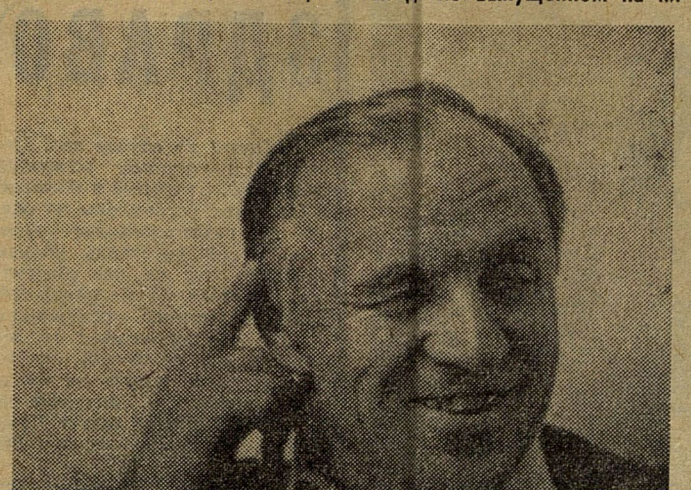
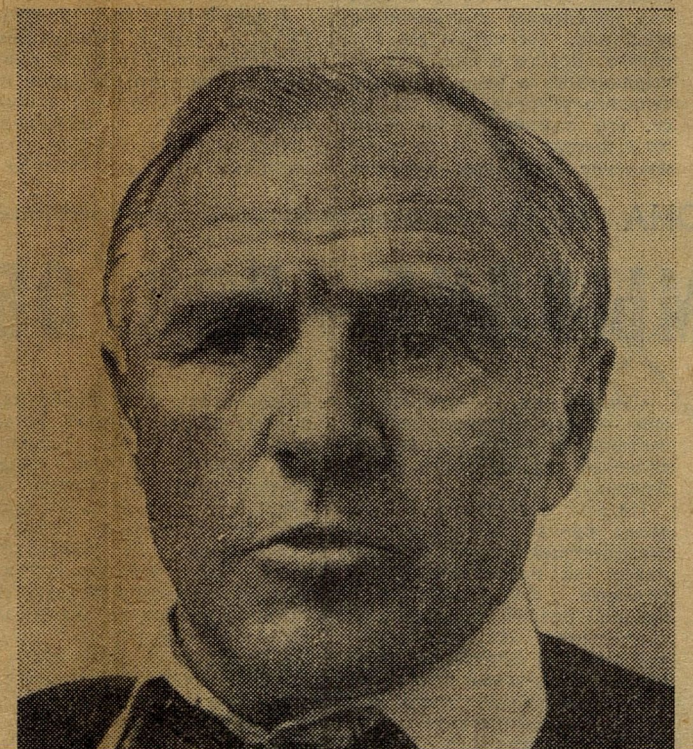
Концерт — встреча закончилась. Через десять минут артисту снова выходить на эстраду — новые зрители уже занимают места. Интерес сахалинцев к творчеству Ульянова настолько велик, что ему пришлось согласиться на два выступления подряд. И во время перерыва я захожу в боковую комнату за сценой, чтобы от имени читателей газеты попросить автограф. Вижу сидящего в углу на стуле усталого, очень усталого человека. И еще яснее понимаю, что это, по сути, был тоже спектакль, может быть, один из самых трудных, но, как все его другие работы, шел на полную самоотдачу, ибо работал актер сердцем, иначе он просто не может.

— Спасибо, Михаил Александрович, за автограф и за встречу.

...Сейчас его выход. Каждое выступление он ведет по-иному, впитывая от зрительного зала его силу и энергию, заражаясь интересом зрителей-собеседников, ради которых и работает Артист.

В. КАМЕНЕЦКАЯ.
Фото С. Владимиров.

На заключительной встрече первый секретарь Сахалинского обкома КПСС П. И. Третьяков вручил М. А. Ульянову Па-

...ПОМОЧЬ ЖИТЬ

Представьте себе, что вы никогда не слышали знаменитых устных рассказов Ираклия Андроникова, и вот вам в руки попала книга, в которой они собраны в напечатанном виде. Читайте вы, конечно, с интересом, но что-то в вашем восприятии невозвратно теряется: интонация, неповторимая манера рассказчика, то есть какие-то дополнительные краски, присущие устной речи, непосредственному общению.

Примерно то же самое происходит и сейчас, когда я берусь воспроизвести рассказ Михаила Ульянова и тем самым дать возможность нашим многочисленным читателям побывать на его творческой встрече хотя бы с помощью газетной полосы. Рассказчик он прекрасный, отличный импровизатор, слушать его — удовольствие, и, конечно, многое при «перевод» его выступления на бумагу теряется. Но, сохраняя стиль, особенности построения фраз, манеру разговора, мы попытаемся помочь вам представить себе этого крупнейшего артиста, удивительного человека, страстного гражданина — на эстраде, ведущим с нами диалог...

Итак, на сцену вышел человек, так хорошо знакомый нам по спектаклям, теле- и киноэкранам, и все же совсем новый, и от этого еще более интересный. Подошел к микрофону и в ответ на встретившие его аплодисменты сказал:

— Спасибо. Спасибо за добрые слова, за добрый прием. Хотя такое тепло, которое идет из зрительного зала, немного пугает: ответить ли чем-либо на это тепло, хватить ли у тебя слов, сможешь ли... Несмотря на весь опыт, который имеется у нас, актеров, каждый подобный выход — особенно когда выходишь не в роли — всегда опасен и тревожен. Зритель ждет: посмотрим, что ты можешь, а потом будем понимать и принимать — или не будем... Подобные встречи — они вообще удивительны, вообще замечательны...

Я — актер театра Вахтангова, названного по имени замечательного режиссера Евгения Вагарионовича Вахтангова. Этот театр сейчас находится в Хабаровске, потому-то я и завернул на Сахалин. Слышал я много о вас, читал много, знаю много, но, как говорится на Руси, лучше один раз увидеть, чем сто раз прочесть или услышать. Вот так судьба актера перенесла меня сюда, чему я бесконечно рад...

Так вот, я актер театра Вахтангова. Работаю в этом театре уже ни много ни мало — 34 года.

Позже, когда настанет черед зрителя задавать вопросы, кто-то придет записки: «Скажите о том, как вы стали артистом, о ваших первых учителях».

— Артистом я стал случайно, — скажет Ульянов. — Я сам из Омской области, из маленького городка на Иртыше. Там по вечерам войны судья забрасывал один из театров... В сорок пятом стал учиться в театральной студии при Омском областном драмтеатре, а в сорок шестом поехал в Москву и был принят в театр Вахтангова. Хотя это сейчас так легко говорить, а тогда все было сложнее... А учителя мои — Евгений Павлович Пересветов — провинциальный режиссер, который первым «толкнул» меня на эту дорогу, потом — Рубен Николаевич Симонов и Борис Евгеньевич Захаза, и все педагоги и актеры театра Вахтангова...

И вот уже 34 года...

— Почти столько же лет снимаюсь в кино. Ничего удивительного в этом нет, ибо судьба сегодняшних актеров такова: они работают в театре, в кино, на телевидении, радио, занимаются общественной работой. Праздн, по этому поводу некоторые начинают сомневаться, негодовать или возмущаться, или задавать вопросы: а почему у них такая суетливая жизнь, чего уж так разрываються-то люди, отчего бы не пожить поспокойнее, потише, пососредоточеннее? Не слишком ли суетливо, не слишком ли «шустро» живут сегодняшние актеры?

Конечно, «шустро», конечно, трудно. Слов нет, отказаться от многого можно. Можно отказаться от рсги (в своем театре, правда, нельзя — дисциплина). А в кино, на радио, на телевидении можно работать — можно не работать. Но...

Жизнь идет очень быстро. Сегодня такая судьба нам выпала. Кто-то должен на радио, на телевидении работать? Кто-то должен в кино сниматься? Кто? Только актеры! Вот я работаю в театре, репетирую, играю, тихо живу. А тут мне предлагают сняться

заинтересованные или уже несколько потухшие («Что же, он так и будет нам лекцию читать?»). Между мной, стоящим здесь, в Южно-Сахалинске, и вами сегодня, сейчас завязываются (либо не завязываются) какие-то отношения. Вот это чудо непосредственного общения и есть чудо театра. Спектакли идут 100, 200, 300 раз иногда, но каждый раз это — новый спектакль. А в кино, пусть многое изменилось, многое ушло, стало другим, актер стал другим, зритель другой — а картина как была, так и осталась. Театр жив именно сегодняшним временем! Вот за все это мы и любим театр.

...Ито как, а я, сидя в зале и слушая это вдохновенное Слово Актера о Театре, невольно вспоминаю Беллинского и его незабываемое объяснение в любви тому же искусству: «Любите ли вы театр так, как я люблю его...». Безусловно, нам, зрителям, ничто не заменит эту радость непосредственного общения с актером, эту живую, теплую силу токов, идущих из зала на сцену и со сцены в зал и высекающих искру сопереживания. Но спасибо кино за то, что останавливает прекрасные мгновения искусства, безвозвратно, увы, уходящие в прошлое вместе со спектаклем. За то, что сберегает для нас и будущих поколений замечательные актерские творения. Так что пусть актеры работают в театре, но и в кино снимаются...

— Театр обладает еще одним поразительным свойством. Вот иногда многие говорят: «Да что мне ваш спектакль, я лучше дома телевизор посмотрю». Но как вы смотрите дома телевизор? Между множеством дел... Там, понимаете, артист разбивается на экране, а вы что-то делаете и между прочим смотрите. Это же нечто иное, чем вы приходите в театр, садитесь на свое место в красном зале, открываете чашечку, тайный тайный занавес, и вы видите три часа нуды не торжества, джмашими делами не занимаетесь, отношения ни с кем не выясняете... О, эти три часа! И если хотите, это, может быть, единственное место, где вот эти три часа можно провести в радостном — конечно, при условии таланта актера и интереса зрителя — общении. Телевидение, конечно, вещь поразительная, но то, что все это перенесено в дом, убивает сказку, убивает открытие, а театр оставляет чудо, сказку, открытие. Поэтому-то мы и любим театр.

Но мы, актеры, все-таки художники творческие. Нам нужна литература. Нам нужен фундамент, на основании которого мы строим свои роли. Не всегда же ставить классику. О сегодняшнем дне тоже нужно рассказывать, и не «тоже», а обязательно. Мы для этого и существуем, чтобы размышлять, говорить о сегодняшнем времени. Что же тут главное? Что существенно?

Артист предлагает посмотреть отрывок из спектакля «День-денской», в котором участвует также артистка театра Вахтангова, заслуженная артистка РСФСР Алла Пар-

фаньяк, и на основе этого отрывка поговорить о проблеме положительного героя — «так, как это представляю лично я». И мы становимся свидетелями диалога двух людей — директора завода Друнова и решительной женщины — зампред райисполкома. Они говорят о проблемах сугубо производственных, спорят, причем спорит она, а он как-то нудно стоит на своем, этот странный, уныло необаятельный директор. Но в результате его логика оказывается железной, а доводы неопровержимыми, так что с нее слетает вся решительность, и она уходит победенная умом, опытом, хваткой этого странного директора. Отрывок — из обычного «производственного» пьесы, в которой, как и во многих пьесах такого рода, нет, к сожалению, необычных, ярких характеров, причудливо разнотных человеческих взаимоотношений, только и дающих актеру материал роли...

— ...А мой герой тоже в высшей степени стандартный и обычный, с командирскими нотками в голосе. Я стал думать, как его сделать маломальски интересным? И чтобы

председатель колхоза — молодой парень, весь как на шарнирчиках, кипит, бурлит и через край переливается! Посадили в санки, повезли меня в колхоз, километров двадцать от города. Приезжаем в клуб. Маленький такой, с прмерзлыми углами клуб, в нем сидят колхозники, смотрят на меня. Что-то я начал им рассказывать, но чувствую, что общения не получается, да и не совсем понимаю, зачем же меня сюда пригласили? Тут на сцену встает председатель: «Одну минуточку, товарищи, я предлагаю провести внеочередное собрание. Повестка дня — избрание товарища Ульянова почетным колхозником нашего колхоза. Кто за это предложение, прошу поднять руки». Руки все подняли, собрание на этом закончилось, и стал я колхозником. Правда, почетным». Вот, оказывается, для чего он меня через Министерство культуры выгребовал.

Читателям газет
«Советский Сахалин»
с доброй пожеланиями
и уважением
Михаил Ульянов
1 июня 1984

«набраться» характерно с ти, привычек и «сдать» его в какую-то форму, стал вспоминать мои личные встречи со множеством интересных людей. Я много езжу по стране, встречаюсь с очень разнообразными, крупными людьми, в том числе и с такими, которые неожиданным поворотом, неожиданной манерой выражают обычно...

...И тут мы, зрители, получаем редчайшую возможность заглянуть в святая святых — творческую лабораторию артиста, понять, как лепит, собирает он образ, какие жизненные соки питают его творчество. И почувствовать, что эти соки идут из самой глубины народного характера.

— ...Как-то звонят мне из Министерства культуры и говорят: вас просят поехать в один колхоз. Я было отказывался, но мне позвонили: «Вас очень просят...». Приехал в Чебоксары, встречает ме-

Но я, как потом выяснилось, был у него не один почетный колхозник. Он месяца за тричетыре до того, как состоялось мое избрание, стал председателем колхоза «Герой» (так он назывался). Что там происходило до него, не знаю, но хом злыство разваленное, а долгах, как в шелках. Никто не помогает и некуда обращаться, так как везде уже нахватались долги. Тогда он и придумал такой оспа-бендерозский ход. Стал в месяц избирать двухтрех почетных колхозников: директора крупного завода, гидростроителя... Рассудил: так просто приди к гидростроителям: «Дай цементу» — не дадут. А если избрать кого-то почетным колхозником, то он должен будет спасти свой колхоз. Талантливый ход! Любопытный, неожиданный, парень живет, думает, действует!

НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР, ЛАУРЕАТ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ СССР,
ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ СССР И РСФСР
МИХАИЛ УЛЬЯНОВ В ГОСТЯХ У САХАЛИНЦЕВ

«Короче говоря, мой характер директора Друнова родился от таких людей. Представил я, как приходите вы на спектакль, какая пьеса — еще не знаете, покупаете программу, смотрите: директор завода, главный инженер, главный технолог, главный конструктор... Ясно, что речь идет о заводе. Настроение начинает у зрителей гадать. А тут написано: директор завода — Друнов Игорь Петрович. Играет Ульянов. «Это тот Ульянов, что Жукова играл? Ой, боже, сейчас придет и опять начнет командовать!». А выходит такой, в томном костюме, седой, сутулый человек со странным, скрипучим, пронзительным голосом и начинает ко всем «привязываться». Сидит развалившись, безразлично пьет чай... Зрительный зал, несколько ошарашенный, просыпается. «Позволь-позволь! Это он кого играет? Директора? Это к чему же?». Одни начинают протестовать, другим это кажется любопытным, третьи не понимают, четвертые возмущаются — но никто не спит, потому что этот тип никому не дает спать. Потом вы поймете, что он умеет талантливо, по-настойчиво а-лющий человек и партийный по-настоящему, потому что он на себя берет ответственность, он не из тех, кто говорит: «Мы вот тут посоветуемся...» и поди найди, кто из них за что отвечает. Все это вы потом поймете, но пока поймете — научаетесь. Вы вычисляете, вы его решаете. И в этом ваше участие. Мы вместе с вами создаем образ. И когда вы его, наконец, создадите, раскроете, отгадаете его, он вам становится уже дорогим и близким. Не я вам про него рассказывал, а вы его для себя открывали.

А дело все в том, что я нарушил правила игры, по которым мы с вами давным-давно, и не только мы, а и наши отцы, привыкли жить: положительный герой — отрицательный герой. Их — наш. Белый — красный. Я огрубляю, но, к сожалению, в этом произведении входит герой, и сразу видно — нехороший человек. Но ведь в жизни-то вы сразу не угадываете! Иногда, что называется, пуд соли надо съесть, прежде чем узнать, какой человек, а иногда он так открывается, что только руками разведешь!

Я понимаю, что жизнь — не театр. Что и театр, и кино отражают жизнь, но — жизнь, а не придуманную какую-то конструкцию. А мы ее иногда придумываем.

Вот, бывает, спрашивают: кто из сегодняшних писателей — ваш любимый? Я говорю: Астафьев. Почему? Потому что Астафьев Виктор Петрович, и Распутин, и Белов, и Шукшин — они, эти писатели, не только потому мне дороги, что деревенскую тему поднимают, а потому, что они не приукрашивают жизнь, не стара-

ются сделать ее более удобоваримой, более прилаженной. Они ее видят такой, какая она есть, но в этой жизни находят людей, которые меня приподнимают в моих глазах и объясняют мне, что жизнь сложна, но что люди в ней бывают прекрасны. Василий Макарович Шукшин ничего не придумал «от лукавого», он видел жизнь такой, какая она есть. Но вот умудрился в простом, обыкновенном человеке, который живет рядом со мной, талантом писателя раскрыть такую душу, такой талант, такую неожиданность, такой трепет, такую поэзию...

Да, мы еще находимся под впечатлением рассказа Шукшина «Милый пардон, мадам!», только что мастерски прочитанного Ульяновым, и видим его героя — простого мужика, в душе которого смешалось и высокое, тесно и причудливо перепелились.

Разговор о положительном герое продолжает зритель: — Положительный герой нашего времени — это уже не председатель Трубинский. А кто же? Какой он, какой его «лицо», душа, поступки?

Артист начинает с шуток: — Кабы знала я, кабы ведала, как говорится, так я бы и сыграла. Так вот в том-то все и дело, что сегодня положительный герой нам никак не дается. Хотя герои есть. Я вот сегодня был в гостях у директора сахалинского совхоза, у капитана рыболовного сейнера, у директора завода. Хорошие, интересные люди, но как их сыграть, я не знаю. Искать-то героев нечего, они вокруг нас. Но как их «переварить» в конфликт? Ведь нельзя же выйти и сказать: «Я хороший!» Это же скучно будет! Я считаю, что положительный герой, каковы бы ни были его поступки, черты характера, должен быть одним из нас. Как только он начинает подниматься в какие-то особые сферы, так мне до него — как до ангела в раю. Он должен быть рядом со мной.

И потом так: вот я сижу в театре. Мне показывают эдакого, знаете, героя. Я думаю: «Ну и что? А я вот не герой, мне страшно, я трушу, не могу поступить так же...». Значит, это все не про меня! И, не затронутый за живое, холодный ухожу из театра.

А вот мне показывают такого же, как я. И я вижу, как ему трудно. Как ему страшно, как он преодолевает все-таки свою защитную мягкость, переступает через себя там, где я испугался. Но тогда он мой друг, и черты его — мои, человеческие... В общем, проблема положительного героя сложная, хотя кажется очень простой.

Артист Михаил Ульянов многолик и играет отдаленно не одни «положительные» роли. Все чаще на киноэкране или сцене мы видим, как сами исполнением роли отрицательного героя он неистово борется с тем, что не видит, как это происходит, скажем, в картине «Без свидетелей».

— Показалось, что в кинофильме «Без свидетелей», не так давно выпущенном на ки-

ноэкраны, вы решаете новые художественные задачи — сближение реализма с гротеском. Чем стала для вас эта роль?

— Вы правы. Скажу так: эта роль дала мне возможность вырваться из привычного. Дело все в том, что сейчас играют правдиво, спокойно, играя неподобающе, приблизительно могут, в общем, все. А вот вести изображаемое на крайнюю степень допустимости, гротеска, когда это уже тип или, как в фильме «Без свидетелей», почти символ ничтожности, но в то же время и живой человек, — это уже может сделать только мастер... Если я вижу актерскую работу и говорю себе: «А я бы так не только не смог, но даже не понимаю, как это», — вот тут я преклоняюсь перед таким актером.

— В одной из своих статей вы говорите о необходимости возрождать традиции русской актерской школы...

— В чем русская школа? Не только в правде, а в огромной эмоциональности, заразительности и полной самоотдаче. Если немецкие первоклассные актеры работают на технике, а французские — из виртуозной техники, то актер русский работает чаще всего на сердце...

— Вам принадлежат слова и о том, что за каждым образом должна стоять личность исполнителя. Не противоречит ли это стремлению к полному перевоплощению в образ?

— Нет, одно другому не противоречит. Что такое личность? Я человек, какой уж я сегодня есть. С моим багажом, с моими знаниями, с моим опытом, с моим мастерством. И с точки зрения своего «я», своего знания жизни, отношения к жизни, любви или ненависти к ней, наполненности ее соками, я могу и воспеть человека, и проклясть. Я, мой мозг, знания, нервы, опыт, мое сердце — вот материал, из которого делается роль. Ничего другого нет. Гражданская позиция плюс человеческие качества — это и есть личность. Есть люди, которым вообще на все наплевать. Они шьют себе костюмы, завязывают связи, бегают по поверхности, как жуки-плавуны, и не тонут. А личность актерская предполагает внедрение своего творчества в жизнь, стремление помочь жить...

Концерт — встреча закончилась. Через десять минут артисту снова выходить на эстраду — новые зрители уже занимают места. Интерес сахалинцев к творчеству Ульянова настолько велик, что ему пришлось согласиться на два выступления подряд. И во время перерыва я захожу в боковую комнату за сценой, чтобы от имени читателей газеты попросить автограф. Вижу сидящего в углу на стуле усталого, очень усталого человека. И еще яснее понимаю, что это, по сути, был тоже спектакль, может быть, один из самых трудных, но, как все его другие работы, шел на полную самоотдачу, ибо работал актер сердцем, иначе он просто не может.

— Спасибо, Михаил Александрович, за автограф и за встречу.

...Сейчас его выход. Каждое выступление он ведет по-иному, впитывая от зрительного зала его силу и энергию, заражаясь интересом зритель-собеседников, ради которых и работает Артист.

В. КАМЕНЕЦКАЯ.
Фото С. Владимиров.

На заключительной встрече первый секретарь Сахалинского обкома КПСС П. И. Третьяков вручил М. А. Ульянову Почетную грамоту обкома партии и облисполкома и от лица южносахалинцев, всех трудящихся выразил глубокую признательность за выступления на сахалинской земле, ставшие важным вкладом в культурную жизнь области.

